

# ХОРХЕ ГАЙТАН ДУРАН

*Перевод с испанского Сергея Гончаренко \**

## *Правда песни*

Поэзия, я погружался с тобой  
и в смерть,  
и в боль,  
и в одиночество,  
и в пропасть прошлого,  
в преданную нам и нами пучину  
предков, прощально и ласково  
протягивающую к нам руки  
пшеничным полем,  
узловатыми корнями, трепетом травы.  
Я говорил и про себя. Говорил,  
что я всего лишь горсть праха,  
пронзенного пересеченьем молний.  
Прогрызаю проволоку — и проваливаюсь  
в забвенье. Гол мой негулкий голос  
и одинок. Но у ног моей песни  
пел вспененный океан общей печали,  
указуя бездной в бесконечность,  
обтекая жгучими водорослями острова  
острого одиночества. В его волнах  
окунулся я в тщетность вешнего мира,  
еще не подозревая о хрупкой вечности розы,  
об этой самой краткой формуле бессмертья.  
И понял я, что даже любовь —  
всего лишь вечный путь  
в забвенье и разлуку,  
а жизнь — просто победно-бедное бегство  
в смятенье смерти. Я верил в боль.  
В боль, воспламеняющую пеной песни  
красную кровь красоты.  
В боль, растущую у человека в сердце  
с возрастом, с ростом крепнущих крыльев.  
Короче, я верил в собственную боль.  
Теперь я верю во всеобщность боли.  
Я вспомнил о сущности общего,  
в которой умирает изменчивость сущего.

---

\* ХОРХЕ ГАЙТАН ДУРАН — Стихи (*Перевод с испанского Сергея Гончаренко*) // *Поэзия Колумбии* (М.: Художественная литература, 1991), 239–251.  
Некоммерческое электронное издание. «*Im Werden Verlag*», 2008.  
<http://imwerden.de>

Вспомнил о тысячелетней борьбе,  
понадобившейся для того,  
чтобы малая травинка  
стала принадлежать всем и каждому,  
чтобы солнце светило всем и всюду:  
и морякам, и грузчикам в порту,  
и пахарю, торящему борозду навстречу жатве,  
и роженице, корчащейся в схватках,  
и каменщикам,  
которые сидят пыльным вечером у порога  
в куртках, испачканных известкой и цементом,  
и попыхивают глиняными трубками  
среди детишек, празднующих Рождество  
без конфет и стеклянных игрушек.  
Я верил в собственную смерть.  
Теперь верю в смерть всех и каждого.  
В смерть, зорко высматривающую нас  
с вершин кладбищенских кипарисов,  
оскалившую зубья скал на горизонте,  
где извивается свист северного ветра,  
где повстанческая песня  
окровавленных камней  
продолжает звучать и после  
треска пулеметов.  
В смерть, смеющуюся в лицо броневикам  
с баррикады, над которой  
никогда не подняться белому флагу.  
В смерть изувеченных в пыточной героев,  
павших в любом из одиночеств одиночек  
и не увенчанных потом лавиной лавров.  
Верю в людей.  
В человека и человечество.  
Вслушиваюсь в собственное сердце —  
оно не стучит, а перестукивается  
со всеми на свете сердцами  
человеческой человечности.  
Да сожмут юные руки снова  
оружие, обезображенное временем;  
да взметнутся опять знамена,  
измочаленные звездами злой ночи;  
да начнется битва за начало  
иначе выстроенной жизни.  
Зря торжествуешь,  
прожорливый жернов неизбежных жертв!  
Сметем смелостью смуту смерти,  
покончим с одиночеством, забудем боль —  
пришла пора перекроить мирозданье!

## *Хочу*

Хочу сам прожить все имена,  
которыми пожар мирозданья  
озарил смертные предметы.  
Например, «скала», «суть», «существо», «память».  
Хочу потрогать кожу слов,  
силой которых напрасно мечтал похитить тебя  
у насущной, ежедневной боли:  
мрамор, в чьей глубине обитали боги, —  
ныне гладкий, а некогда вмещавший  
взлет души, коего нам так не хватает.  
Не хочу умирать, покуда не утвердил  
тебя среди людей громким городом.  
Хочу, чтобы ты стала — до смерти —  
единственным сочиненным на земле  
стихотвореньем.

## *Объятье обнаженных*

Два обнаженных тела слились  
друг с другом, одинокие, в городе,  
где обитают только звезды.  
Полыхающий пожар жажды  
соединил их в одно, и они не видят себя,  
не зная, красивы ли или безобразны.  
Пылают, как два мира, чьи орбиты  
пересекаются раз в тысячелетье.  
В зеркале слова, в этом осколке луны,  
только и можно увидеть друг друга —  
какие мы в минуту страсти,  
нежности и страха,  
скрежетанья столкнувшихся скал,  
враждебных звезд, воюющих империй.  
Ласковое касанье среди рушащихся звезд!  
Грустный поцелуй до самой глубины.  
Два белых дельфина в дюнах дня.  
Одинокий костер в поющей ознобной ночи.

## *Любовники*

Мы — нелюди или любящие люди?  
Обнажившись, обнаруживаем в себе  
незнакомцев, узнающих друг друга на ощупь  
по широким шрамам, по ожогам  
жесточкого желанья. Зачем нам зренье?  
Подозревать в приступе зряшной скуки  
небожителей в дурацком адюльтере?  
Влюбление заранее значит затмение:  
схватку кровожадных звезд,  
безжалостную битву двух династий,  
оспаривающих права на королевство.  
Жаждем справедливости, расставляя засады,  
капаем в сердце яд,  
яростно желая милосердия.  
Такою метой небо метит влюбленных.  
И ради того, чтобы тысячекратно  
обуяла за день буря объятий,  
готовы каждый день тысячекратно умереть.

## *Любовники*

Бросаемся в омут обнаженности,  
словно обнажив ножи, —  
два заблудших ангела,  
два красных солнца в черной чаше,  
два вампира на пиру рассвета.  
Губы на снегу раскаленных коленей,  
рот, ищущий рот,  
мраморный поцелуй статуй,  
взыскующий молнии мрака,  
которая испепелит нас  
непобедимой вспышкой  
все сметающей смерти.  
Примем ее стоя, как летние тополя,  
сидя, как захмелевшие боги,  
да вспенят мой пепел две твои звезды,  
две родины, рассекшие мою зарю.  
Я теплюсь в теле твоём жилкой жизни.

## *Похоронный марш*

Он умер, словно Бог, вдохнувший пылкой пыли,  
хотя и не чурался ничего человеческого.  
Забвение, зола славы, запутавшееся слово.  
Умел перемолоть, сжить со свету живучую жилу  
молвы и молчаливой злобы,  
сослать и сослаться — в эту ли, на эту ли ночь  
войны всего со всем, всеобщего возмездья,  
пожара, пожирающего жалость,  
которую мы безуспешно спешили спасти.  
Властная длань, глаз, вперившийся в нас  
оперенной стрелой, настоявший  
на всеобъятной вселенной,  
вместившей столько солнц. Суровый овод,  
державший в жажде солнца сонмы смертных.  
Свет рассек ему сердце, и оно вдохнуло  
всю перекись пиротехники империи.  
И вдох этот не был ли мстительным выдохом неба,  
вобравшего небожителя в небытие?

## *Потеряв эту землю*

Только из надежды соединиться с Софьей фон Кюн  
Новалис, влюбленный в нее с тринадцати лет,  
решил поверить — и поверил — в загробный мир.  
Я же принял иную веру: в солнце, снег и деревья,  
в белую бабочку на красном лепестке,  
во вьющуюся траву и в день ее увядания.  
Ибо только эта вера могла мне подарить  
короткое счастье сжимать тебя в объятьях  
и, подобно Богу-отцу,  
сотворить себя заново в твоих глазах.  
Потеряв эту землю, я и тебя потеряю.

## *Возвращение*

Вернуться, чтобы умереть, — наверное, благо.  
(Так можно истолковать судьбу правителя Итаки.)  
Но я слишком влюблен в отчее солнце,  
в красного оленя на гребне холма,  
в закатные голоса,  
которые некогда были папой и мамой.  
Нет уж, лучше умирать на чужбине,  
где колокол не оплачет смерть на рассвете,  
подальше от лета, где познакомился с богами.  
Пусть промельк моего померкшего мира  
станет последним преданьем у отчего очага.

## *Долина Кукуты*

Губами трогаю фруктовый цвет солнца.  
Запускаю с ладони ястреба в небо.  
Глазами зажигаю костер на вершине холма.  
Ласка луча возвращает мне жизнь.  
Истинна лишь естественность.  
Голуба лишь голубизна неба.  
Цветущее дерево — древо теплой земли.  
Все вещее вечно. Всякая вещь — вне себя.

Здесь я научился жить крыльями и стремниной.

## *Каждое слово*

Когда смерть неотвратима, каждое слово  
смеет стать смыслом. Разрешаемся им,  
разрешая себе его решимость. Да сверкнет  
напоследок след нашего сомненья, умудряя мир.  
Назову в лицо молнию моей смерти: слово  
и есть вселенная, населенная нами. Нет  
ни минуты на размышление. Смерть  
сметет напраслину, смочет смуту. Смелее, слово,  
возмещающее родину жизни.

## *Если проснусь и завтра*

Вздых — вернулось дыхание — воздух весны  
возвернул к жизни. Но это лишь луч,  
блеснувший, чтобы лучше озарить слово,  
которое надо произнести.

Я выиграл день: возвращенное время  
во рту — как вино.

На палубе города,  
этого корабля умалишенных,  
снова встречу лицо беззубого старца.  
Родословная, власть, талант и богатство  
всем одарили его, кроме — смерти.  
Это мой враг. Мой враг страшнее Бога.  
Это мой сон, которым я стану,  
если проснусь и завтра.

Но — наконец-то! —  
заря мне падает в руки красным апельсином.

## *Мгновение*

Солнце распустилось розой.  
И певчая птица луны  
улетела. Мы глядим друг на друга,  
обнаженные. Над нами  
простирает ветви красное дерево  
солнца. Вот они мы — на берегу  
реки, два вечно юных  
тела. Мы — видишь? — друг друга  
узнали. Мы умерли, да, но очнулись  
от сна смерти и времени. Протяжно  
смотрим друг в друга. И ночь  
покарает нас, памятливых, снова.

## *Ночное мимолетное*

Вглядевшись попристальной во время, вижу — ночь.  
Стало быть, все мои костры напрасны.  
И не были они кострами — просто мириады звезд,  
заполнившие небо. Всюду — небо.  
Все было у меня, кроме безоблачных богов,  
разомлевших от счастья. Жил миражем  
сияющих в гармонии миров.

Скользя со звезды на звезду, ныряя в бездну,  
могли же, наконец, мои глаза  
постичь ничтожность моего мира!  
Могла же, дыша галактической глубиной,  
душа моя проникнуться трепетом  
перед твердью бессонных небес,  
где ничто не убывает — все бессмертно?

Но пропела труба тревожной сини,  
и соловей упорхнул за порог времени.  
Лесные листья прильнули трелью полета  
к звездам. И светозарный олень  
просквозил во влажной тайне рощи.  
В тени ветвей очнулась твоя обнаженность,  
и вновь моя земля зажгла меня желаньем.

## *Знаю, что живу*

Сегодня знаю точно, что живу.  
Лежу с тобой. Гляжу и вижу — лето.  
И плод в твоей руке — почти планета,  
плывущая сквозь листья и траву.

Но знал ли этот мир свой вес и рост  
до встречи наших губ? Вольно в нем выжить,  
поскольку можно из желанья выжать  
любовь, чей вызов выше вечных звезд!

Коснусь морской волны ногой. Нагой  
вернусь в тебя, впаду в твой сон рекой,  
а не далекой маркой на конверте.

И — алое вино. И в унисон —  
красные цветы. Не жизнь, а сон,  
отчетливо напомнивший о смерти.



## *Послание*

Прости, я не забыл тебя. Не смог.  
Нет, невозможно, сколько ни усердствуй.  
Тук-тук — как в дверь. Все тот же стук у сердца,  
стучащего к тебе. И даже Бог

мне в этом не указ. Хотел открыть я  
задутый им твой свет, как Новый Свет, —  
и тоже не сумел. Таланта нет,  
а может, просто не было найтъя.

Как много было у меня причин  
любить тебя. Как мало величин  
величественней вѣщей водоверти

любви. Хочу тебя запеленать  
в слова, в стихи, в свирель, чтобы опять  
тебя обнять — хотя бы в долгой смерти.

## *Ожидание*

Стреноженная страсть. «Ну, скоро? Нет ли?» —  
в глазах полузадушенной души.  
Как жаждут хода шахматы... Спеши!  
Куда? Стена ведь! Ну, хоть в омут петли.

Но не затянется! Ведь нет шнуру  
разлуки, нет веревке ожиданья  
конца и краю... Так струя в фонтане  
жесточкой жаждой жизни сквозь жару

натянута — на этой вертикали  
я и повис. Века ли истекали,  
мгновенья ли? Карабкаюсь — и вниз

лечу. Рассвет. Луч солнца на гардине.  
Вновь голосом и сердцем я в пустыне.  
Но, правда, слышу жизнь — из-за кулис.

## Комментарии

ХОРХЕ ГАЙТАН ДУРАН (JORGE GAITÁN DURÁN, 1924—1962). Поэт и эссеист, автор поэтических сборников «Настоятельная грусть» (1949), «Человек — рядом» (1951), «Удивление» (1953) и других. Наибольшую популярность принесла ему книга «Если проснусь и завтра» (1961), в которой наиболее полно раскрылось дарование Гайтана Дурана как мастера интимной лирики.

### *Потеряв эту землю*

*Новалис* (наст. имя и фам. Фридрих фон Харденберг; 1772—1801) — немецкий поэт и философ.